

Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии

В. А. Янчук

Наиболее фундаментальным вопросом, требующим коллегиального ответа, является вопрос о возможности (или невозможности) обретения психологическим знанием статуса универсального. Именно этот вопрос с завидным постоянством ставится в серьезных зарубежных изданиях не менее серьезными авторами. Свою лепту в нахождение возможного ответа вношу и я в виде социокультурно-интердетерминистской метатеории интеграции психологического знания, разрабатываемой мной на протяжении ряда последних лет (Янчук, 2015, 2016; Yanchuk, 2016).

В силу недостаточной осведомленности русскоязычного читателя в дебатах на обозначенную тему, имеющих место в зарубежной психологии, я дам их развернутую характеристику, обратившись к публикациям авторов, наиболее активно участвующих в дискуссиях. Во второй же части статьи я предлагаю свое видение проблемной области и путей ее решения.

По существу, современное психологическое знание представляет «головокружительный массив несовместимых теорий, моделей, методов, а иногда и философий» (Yanchuk, Slife, 2000, p. 235–236), что мешает прогрессу и авторитетности дисциплины. Более того, отмечают авторы, проблема коренится в истоках психологии и пропитана философскими основаниями, на которых покоятся те или иные традиции или парадигмы. Есть мнение, что фрагментарность и парадигмальная разрозненность психологического знания является причиной его перманентного кризиса и требует нахождения путей и механизмов разрешения (Goertzen, 2010).

Такого рода поиски особенно актуализировались к концу XX в. в связи с укреплением позиций постмодернистской культурно-научной традиции, провозглашающей торжество многообразия как ресурса выхода из модернистского тупика в развитии познания (см.: Янчук, 2009). В любом учебнике по психологии, теориям личности,

возрастной и др. психологиям начали появляться конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science», «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (Healy, 2012; Тео, 2010).

Это обстоятельство, как и попытки поиска ответов на вопросы: «почему существует много психологий? и почему они не объединяются в единственно верную и всеохватывающую?» – предопределило основную цель данной статьи. Она заключается в предложении конструктивных решений, направленных на интеграцию усилий психологов, представляющих различные парадигмы, традиции и подходы, в нахождении ресурсов развития психологической науки и практики и углублении понимания психологической феноменологии.

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является нахождение его причинных и методологических оснований, а также проверенной временем целесообразности. Причем сложность решения данной задачи обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах: следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в антагонизме между «естественнонаучным» и «гуманитарным» знанием, количественными и качественными, статистическими и клиническими методами исследования и т. п.

Все основания, по которым можно занять какую-то методологическую позицию, в конечном счете оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик. И как бы ни пытались различные претенденты на обоснование «чистоты научного знания» аргументировать критерии «объективного знания», все они сталкиваются с многочисленными контраргументами оппонентов, стреляющих в их «ахиллесову пяту»: неизбежную авторскую субъективность,

обусловленную собственными предпочтениями, индивидуальным либо коллективным опытом конкретного научного сообщества, занявшего в силу разных причин, в частности идеологических, политических, главенствующую позицию в конкретной области знания в данное время.

Но меняется время, меняется и мировоззрение, в том числе и научное, что было показано Т. Куном в анализе развития науки на примере научных революций. Научное мировоззрение меняется, в частности и революционно, радикально трансформируя, казалось бы, незыблемые постулаты.

Сегодня в психологическом знании все больше и больше формируется представление о нем в контексте знания плюралистического по своей природе (Янчук, 2011; Bohman, 1998; Redding, 2001; Eronen, 2009; Gergen, 2009; Goertzen, 2010; Mendelowitz, Kim, 2010; Smythe, McKenzie, 2010; Watanabe, 2010; Lazard, Capdevila, Roberts, 2011; Healy, 2012; Yanchuk, 2014). Причем, как отмечает Б. Л. Патерсон, «целью теоретического плюрализма является не создание единственной теории, объясняющей все аспекты и атрибуты феномена, а скорее, интеграция и организация альтернативных теоретических перспектив для разработки более широкой перспективы по сравнению с той, которую может предоставить одна обобщающая теория» (Paterson, 2008, p. 633). Тем не менее, продолжает автор, несмотря на существование в большинстве областей исследований ряда теорий, имеющих собственный понятийный аппарат, языки основоположения, они не содержат критического сравнения, теоретической интеграции и синтеза, результатом чего является туманность и неопределенность» (там же).

По мнению многих авторов (Янчук, 2000, 2011; Redding, 2001; Gergen, 2009; Watanabe, 2010; Smythe, McKenzie, 2010; Lazard, Capdevila, Roberts, 2011; Healy, 2012), продуктивность теоретического плюрализма выражается в способствовании теоретическому развитию, расширению горизонтов видения и прояснения сути проблемного поля, что, в свою очередь, ведет к его осознанию исследователем и мотивации на поиск процессов междисциплинарного исследования.

Метанаучные основания плюрализма в психологии стали предметом исследования Т. Ватанабе (Watanabe, 2010). Автор анализирует эпистемологический и методологический уровни метапарадигмы психологического знания. В качестве своеобразных ракурсов анализа он выделяет две пары дихотомий: внутренняя или перспектива первого лица/внешняя или перспектива третьего лица, относя-

щиеся к эпистемологическому аспекту и перспективы объяснения/понимания, относимые к методологическому уровню

Существующий спектр психологического знания он помещает в двухмерный континуум, представленный на рисунке 1.

Рис. 1. Исторические тенденции в психологии иллюстрируются в двухмерном пространстве, включающем две оси координат: эпистемологическая ось и методологическая ось. Как представлено описаниями, заключенными в скобки, первая ось имплицитно онтологическая, а вторая имплицитно эпистемологическая (Watanabe, 2010, p. 257)

Для сравнения автор ссылается на семь базовых дихотомий или «антиномий», выделенных С. Л. Дроб (Drob, 2003): а) детерминизм/свобода воли, б) объективизм/конструктивизм, в) атомизм/холизм, г) публичные/частные критерии, д) индивидуализм/коллективизм, е) фактуализм/герменевтика, и г) познанное/непознанное, частичнокорреспондирующих с его собственными. В завершение проведенного анализа автор делает вывод о том, что «унифика-

ция психологии не только затруднительна, но и бессмысленна, так как плюральность психологических парадигм обусловлена эпистемологическим, методологическим и метапсихологическим уровнями метапарадигмы (там же, р. 260–261). Это и представляет, с его точки зрения, метанаучное основание плюрализма в психологии.

С.Л. Дроб, осуществивший сравнительный анализ различных школ и направлений в психологии на протяжении истории ее становления и развития, обосновывает ее мультиперспективный характер, констатируя: «Психология не отдельная область науки, а множественная. Тем не менее тот факт, что мы имеем ряд относительно отличающихся психологических наук, не говорит о том, что у нас есть ряд относительно отличающихся предметов, к которым они применяются. Психологий может быть много, но психика остается единственной» (Drob, 2003, р. 115).

Анализируя плюрализм современного психологического знания, П. Хили отмечает невозможность редуцирования психологической феноменологии «к единственному субстрату... полностью соответствующему любому единичному уровню или измерению, включая нейрофизиологический, и вместо этого защищать необходимость существования нескольких и нередуцируемых уровней. Признание относительной автономии (и взаимодополняемости) биоса, физикоса, социуса и логоса, а также идентификация уровней или рассматриваемых измерений представляет внутренне связанный с обсуждаемым самостоятельный вопрос (Rychlak, 1993), ценный образец дифференциации различных уровней, учитывающих современные инновационные идеи (Smythe, McKenzie, 2010, р. 229) в области взаимоотношений физического, биологического, переживаемого и социального» (Healy, 2012, р. 272).

Проблеме унификации подходов к психологии был посвящен специальный номер журнала «Review of General Psychology» за 2013 г., собравший представительную группу авторов, предложивших свое видение возможных решений проблемы (Anderson, 2013; Clegg, 2013; Heft, 2013; Henriques, 2013; Hutto, 2013; Mayer, Allen, 2013; Peticz, Mackey, 2013; Slife, Christensen, 2013; Tonneau, 2013). К этим статьям можно добавить и ряд других, заслуживающих не меньшего внимания (Goertzen, 2010; Yanchar, Slife, 2000; Stam, 2015; Sternberg, Grigorenko, 2001; Walsh-Bowers, 2010; Marsh, Boag, 2014; Green, 2015; Lamiell, 2014).

Обосновывая невозможность редуцирования психологической феноменологии к одноуровневому основанию, Д. Бем с соавт. делают следующий вывод: «Переживаемое или ментальное не может

быть редуцировано или проигнорировано в пользу нейрофизиологического, так как последнее обладает такими свойствами как интенциональность и целенаправленность, которые не могут быть адекватно описаны в понятиях последнего, даже при условии полного принятия и поддержки представления о зависимости мышления и мозга» (Vem, 2001; Vem, Looren de Jong, 2006).

На эпистемологическом уровне соответствующие различия зависят от различий (что многообразно описывалось) перспективы третьего лица в противоположность перспективе первого лица, объяснительного в противоположность эмпирическому подходу, естественно-научной в противоположность гуманитарной научной ориентации. На методологическом уровне они концентрируются на различиях между количественно/экспериментальными качественно/описательными подходами, а на онтологическом уровне – на различиях между «естественной» и «человеческой» природами (Martin, Sugarman, 2001), «метафизикой вещей» (Williams, 1990) и метафизикой людей (Richardson, 2000; Martin, 2010).

В то время как редуccionисты приоритизируют одну из этих ориентаций (обычно перспективу третьего лица, количественную и естественно-научную) как обладающую исключительными преимуществами над другой, плюралисты защищают другую точку зрения, приспособленную к различным измерениям нашей ментальной жизни, обе перспективы (каждая включает значимое внутреннее многообразие) нуждаются во всестороннем исследовании и понимании нашего комплексного, многогранного функционирования, ментального и переживаемого, так же как нейрофизиологического и поведенческого. Более того, так как преимущества одного подхода могут скорректировать ограничения другого, эти подходы можно рассматривать как потенциально взаимодополняющие (Ruchlak, 1993; Sternberg, Grigorenko, 2001; Smythe, McKenzie, 2010). Следует подчеркнуть, что такой тип взаимодополняемости не является простой прагматической эклектикой (Yanchar, Williams, 2006).

О невозможности становления психологии унифицированным знанием говорит и К. Д. Грин в статье «Почему психология не является унифицированной и возможно никогда не будет таковой?» (Green, 2015). Автор начинает свой анализ с довольно пессимистичной констатации того, что психология в своем нынешнем состоянии не обладает интеллектуальной целостностью, позволяющей сформулировать ряд взаимосвязанных принципов, способных определить и объяснить ее феноменологию как строго подчиняющуюся этим принципам» (Green, 2015, p. 207). Принципы унификации,

как отмечает автор, если бы они были, требуют, как минимум, относительно стабильного ряда общих представлений (и объектов), обеспечивающих их функционирование. Но психология остается настолько пластичной, что очень сложно рассмотреть принципы, позволяющие строго очертить их значение, которое меняется со времени переиздания одного и того же учебника (Green, 2015, p. 212).

Для унификации любого, в том числе психологического знания, требуется наличие теории, структурированной по типу математики или формальных языков, строго описывающих феномены, кажущиеся разнородными. Основания использования формального языка троичны.

Первое. Формальный язык может соединять различные области, отличающиеся по их конкретному содержанию, но обладающими сходными основополагающими структурными свойствами.

Второе. Именно в формальных языках появляется возможность предсказания и может быть достигнут тип объяснения, основывающийся на предсказании.

Наконец, формальные языки обладают способностью давать короткий импульс к нахождению общего, препятствующий утопанию в порочной бесконечности (и часто бессмысленной), проявляющихся в априорных дискуссиях о том, какую идеологию следует предпочесть – поведенческую, эволюционную, гуманистическую и т. п.

В качестве возможного решения проблемы междисциплинарной интеграции в изучении психологической феноменологии П. Хили (Healy, 2012) предлагает диалогико-герменевтический подход, определяющий следующие условия междисциплинарного диалога: исследовательскую открытость; равноправное партнерство; взаимопонимание и потенциально трансформативное обучение; критическую интересубъективность и подотчетность (Healy, 2012, p. 275–278).

Ряд авторов идут еще дальше, представляя идею диалектического плюрализма (Johnson, Onwuegbuzie, Tucker, Icenogle, 2014). Они предлагают следующие основоположения диалектического плюрализма: а) необходимость рассмотрения разнообразных перспективы и источников данных, могущих расходиться во взглядах и противоречить друг другу; б) ни одна из перспектив не является совершенной или исчерпывающей в понимании значимости; в) каждая перспектива полезна для рассмотрения, видение ее полезности является величайшим благом; г) наличие различных перспективы побуждает к творчеству, изменениям и дает более полезное целое; е) с множественными перспективами надо обращаться диалек-

тически, диалогически, герменевтически и эмпирически (Johnson, Onwuegbuzie, Tucker, Icenogle, 2014, p. 558).

Сформулирована идея рефлексивного методологического плюрализма (Pora, Guillermin, 2017). С точки зрения авторов, именно «рефлексивность может способствовать созданию значимых и проблемно специфических способов комбинирования методов для различных дисциплинарных областей, типов экспертизы и практик» (Pora, Guillermin, 2017, p. 19). Методологический плюрализм, фокусируясь на путях методологического плюралистического выбора, опирается на эпистемологический, онтологический и аксиологический фундамент, что позволяет «комбинировать количественный и качественный подходы, различные методы сбора данных (например, опрос, наблюдение, анализ документов), организацию исследования (изучение случая, эксперимент, продольных и поперечных срезов) и парадигм (например, неопозитивистская, интерпретативистская, прагматистская)» (там же).

Наконец, наиболее серьезные аргументы предъявляются представителями культурно-исторического подхода, утверждающими, что психология никогда не будет унифицирована подобно физике и биологии в силу внутренне присущей ей связанности с исторически обусловленными культурными практиками (Тео, 2010; Walsh-Bowers, 2010).

Т. Тео делает вывод о том, что плюрализм является априорным условием психологии и первым шагом на пути к ее интеграции (Тео, 2010, p. 235).

С его точки зрения, «плюрализм является априорным условием рассмотрения описаний мыслительной активности, если они интерпретируются, — основываясь на положении о том, что психологические объекты и события относятся к культурно-историческому типу как культурно центрированные и историко центрированные... Если признать культуроцентризм необходимой и универсальной характеристикой психологии, то отражение человеческой субъективности конституируется и фильтруется посредством призмы и горизонтов культуры. Как только люди начинают рассуждать о собственной ментальной жизни или умственной компетентности, появляется множество идей, вплетенных в практики и традиции» (там же, p. 236).

С исторической и культурной точки зрения плюрализм в психологии выражается в признании существования различных описаний, отражающих человеческий опыт, так как этот опыт определяется контекстуализированными практиками и традициями,

посвященными вопросам смысла жизни, жизни после смерти, начала и конца мира, моральных последствий поведения и т. п., когда он применяется к вопросам духовности. На самом деле плюрализм является априорным условием психологии, если мы понимаем его в отношении различных культурных и исторических подходов к человеческой психической жизни, априорно как к чему-то культурно и исторически необходимому и неизбежному и психологии как к общему описанию человеческой психической жизни и отражению человеческой субъективности (там же, р. 237).

Проблема психологии заключается в том, что некоторые психологические понятия открываются, другие конструируются, а некоторые изобретаются, основываясь на характеристиках объектов или событий. При этом под открываемостью понимается, что понятия конструируются на основании характеристик объектов и событий (конечно, остается вопрос о том, кто принимает решение о характеристиках объекта?); под конструируемостью понимается, что понятия разрабатываются на основании культурно-исторической субъективности человеческого бытия, имеющем внешние референты; а изобретаемость означает, что понятия создаются на основании чего-то не существовавшего до создания понятия. Понятие плюрализма изменяется в связи с этим статусом следующим образом: то, что открыто, имеет очень отдаленное отношение к плюрализму, нечто сконструированное имеет среднее отношение к плюрализму, а нечто изобретенное имеет высокое отношение к плюрализму (там же, р. 238).

Таким образом, прежде чем двигаться к интеграции, необходимо признать, что психологические объекты и феномены могут изучаться, пониматься, обсуждаться, объясняться и т. п. с позиций различных перспектив и что невозможно интегрировать эти перспективы. Более того, если мы найдем две перспективы в восприятии, одну физиологическую и одну феноменологическую, и если мы не знаем, как эти перспективы интегрировать, мы должны признать, что эти перспективы существуют. Проблема психологии заключается в том, что физиологический психолог не признает того, что феноменолог изучает проблему, не относящуюся к физиологии (и наоборот). Основная же проблема заключается в том, что «психологи не делают первого шага навстречу друг другу» (там же, р. 241).

Как подчеркивает автор, «отвержение понятий культурно-исторического рода и приоритезация исключительности физиологической науки о мозге не является решением проблемы. Это будет означать конец психологии (т. е. описания психической жизни

и субъективности); и, как показывает прошлое, антиплюралистические, исключаяющие программы (например, бихевиоризм) обречены на неудачу» (там же).

Проблематична и попытка сведения всех понятий культурно-исторического типа к понятиям естественно-научного толка. Потребность в унификации психологии коренится в отнесении психологии к естественным наукам физического типа (или сегодня – биологического типа), которая признается подавляющим большинством, если не всеми представителями психологической области знания. Т. Тео подчеркивает, «что психология в силу специфики собственного предмета никогда не сможет достичь статуса естественных наук в принципе, а попытки разработки психологии как естественной науки приведет к уходу от большинства психологических вопросов» (там же, р. 242).

Другая имплицитная попытка психологии к нахождению оснований интеграции связана не с понятийным уровнем, а уровнем методов исследования посредством статистико-экспериментальной методологии. Несмотря на то, что статистическое направление распространено во всем мире, вполне очевидно, что оно не сможет привести к интеграции в силу неспособности решения онтологических вопросов. Наиболее серьезный удар по доминирующему в современном психологическом знании статистико-эмпирическому направлению нанесли опубликованные в авторитетнейшем журнале «Science» в августе 2015 г. результаты масштабного изучения воспроизводимости 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех известных психологических журналах. Экспертная оценка, проведенная группой из 270 исследователей, показала, что лишь 39% из них могут трактоваться как относительно однозначные, да и то с существенными оговорками. В качестве подслащивающей пилюли делается косвенный вывод об удовлетворенности проверяющими процессом, но отнюдь не результатами (Bohannon, 2015, р. 910). Этот вывод сопровождается публикацией исчерпывающего описания использованных методов и процедур, сопровождаемого открытой базой данных, с которой может познакомиться любой заинтересованный читатель (там же, р. 943).

Столь болезненное обвинение не могло не вызвать реакции со стороны психологического сообщества. Одной из первых это сделала главный редактор журнала «Перспективы психологической науки», издаваемого всемирной Ассоциацией психологической науки, Б. Спеллман, охарактеризовавшая сложившуюся ситуацию

не иначе как Революция 2.0 (Spellman, 2015, p. 886). Определяя специфику этой революции, она отмечает, что это не научная революция, требующая радикальных перемен фундаментальных оснований, которых в истории науки было немало, а революция, подобная политической. В качестве ее предпосылок перечисляются многочисленные неудачи в повторении исследований (низкая верифицируемость), многочисленные вопросы в отношении исследовательской практики (повторение общеизвестного, предоставление не всех переменных и т. п.), стандартная статистика (возрастающая неудовлетворенность в проверке значимости нулевой гипотезы), проблемы с открытостью исследовательских данных (невозможность получения данных для последующей перепроверки и мета-анализа), мошенничество (случай с Diederik Stapel, у которого обнаружены подтасовки данных во всех его 50 научных публикациях) и др.

Следует заметить, что статистическо-эмпирицистский подход начинает дозвонить и в отечественных исследованиях, свидетельством чему является простое обращение к статьям, опубликованным в психологической научной периодике. Многие авторы даже не задумываются об эпистемологических основаниях исследования, ограничиваясь простой констатацией результатов, по существу, не привносящих ничего нового в углубление понимания психологической феноменологии, а тем более в перспективы развития психологического знания.

Представленная характеристика современного состояния психологического знания, характеризующегося как плюралистическое, при всей обоснованности аргументации, приводившейся цитированными авторами, ставит вопрос о нахождении оснований для интеграции психологического знания в условиях констатируемого и существующего многообразия. Вопрос для меня не новый и свое авторское видение ответа на него я изложил в своей докторской монографии «Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход» (Янчук, 2000). С удовлетворением констатирую, что обозначенное в монографии проблемное поле резонировало со временем, а к предложенным решениям мировое психологическое сообщество только подходит.

В рамках интегративно-эkleктического подхода решение такого рода задачи предполагает наличие иного типа логики – диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие,

а как взаимодополняющие. Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие в области углубления понимания психологической феноменологии.

В рамках подхода обосновывалась необходимость постижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе — продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

Развитие интегративно-эклектического подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность по своей сути, реализующиеся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;
- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Существует единственный способ избегания парадигмально-специфического фокусирования в психологическом теоретизировании — поиск более интегративных описаний эмпирического феномена в других парадигмах (Ranganath, Spellman, Joy-Gaba, 2010). Узкая концентрация на одной парадигме в теоретическом анализе и исследовании может наносить весьма существенный ущерб развитию науки. Предсказательные и объяснительные возможности теории должны расширяться посредством обращения к возможностям других исследовательских парадигм, так как проверка теоретических предположений в других системах парадигмальных координат позволяет найти дополнительные основания для подтверждения верности полученных результатов и продемонстрировать универсальность и внешнюю валидность предлагаемой теории (Meiser, 2011, p. 183–184). Во многом резонирующие с описанными выше условия межпарадигмального диалога предлагает П. Хили: 1) интегративная открытость; 2) равноправное партнерство; 3) взаимопонимание и потенциальная трансформирующая обучаемость; 4) критическая интерсубъективность и ответственность (Healy, 2012, p. 275–278). Другие авторы призывают к разработке всеохватывающих совместных подходов к изучению общих психологических феноменов на основаниях, «порождающих инсайты, недоступные с позиции какой-либо единственной методологии» (Sternberg, Grigorenko, 2001, p. 1072) как единственно возможный путь диалогическо-

го предложения, делая вывод о необходимости совместных исследований, проводимых на предложенных основаниях.

Реализация социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентирования на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятия заинтересованным и квалифицированным читателем) (Franklin, 1982).

В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов, примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация – интегративная эклектика путем триангуляции (Янчук, 2000, р. 321–331). Реализуя идеи диалога по отношению к методам исследования, предлагаются диалогические методологии, завоевывающие все большую популярность в последние годы. Примером этому является альтернативный демократический подход, предложенный К. Р. Хоу и обозначенный им как интерпретативизм смешанных методов (Howe, 1988). Данный подход изменяет роль количественных методов исследования, придавая им вспомогательную роль. Интерпретативизм смешанных методов провозглашает понимание личности в ее собственных понятиях. Он вовлекает заинтересованные стороны посредством принципов включения и диалога. Принцип включения представляет демократическое измерение, обеспечение, насколько это возможно, прослушивание всех участвующих голосов. Принцип диалога устанавливает необходимость вовлечения всех заинтересованных сторон и предоставление им возможности обсуждения того, почему что-то происходит и что должно происходить. Совместный критический диалог предполагает привнесение экспертного знания в рассмотрение ситуации и посредством этого достижение возможности выхода за пределы данного за счет объединения профессиональных возможностей исследователя и доступа к реальности информанта.

Идеи социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода получили свое развитие в рамках метатеории диалогической интердетерминации психологической феноменологии как ме-

та принципа интеграции психологического знания (Янчук, 2015, 2016; Yanchuk, 2014, 2016).

В рамках метатеории разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Пространство «личность—окружение—активность» скорее отражает внешнее описание, не претендующее на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства «биологическое—психическое—социальное—культурно обусловленное» расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И не учет последней приводит к биологизаторству, сводящему многообразие проявлений психического к детерминированию различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся в сенсационных «открытиях» генов криминальности, супружеской неверности и т. п. Подобные редукции представляют собой не только вульгарное упрощение, рассчитанное на несведущую аудиторию, но и социальную опасность для тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же биопсихосоциального подхода, становящегося все более популярным, даже в такой консервативной области знания, как медицина, свидетельствует о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Я акцентирую внимание не на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, а именно на аспекте взаимной обусловленности и взаимодетерминации. Тем более в уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех связанных с ним элементах. Причем происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, пере-

осмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными, и взаимообуславливающими друг друга, и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровне, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего, связанного с осмыслением пространства. Значение находится не «внутри», не «вовне»: оно находится «между» (Mininni, 2010, р. 24–25). Созидание и управление значениями являются процессами, организующими взаимодействие, в том числе и разнокачественных сфер психического. Именно во взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса, обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние со-существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию разнокачественных сущностей, не обретающих нового интегрированного качества, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его бахтинском понимании (Бахтин, 2002). Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов, подобно формированию значений, и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия, одновременно, сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, определенном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, в обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо

как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» (Бахтин, 1986, с. 383).

В процессе диалогической интердетерминации формируется та самая intersубъективность, определяющая достижение, в том числе и межкультурного взаимопонимания. «Intersубъективный подход основывается на трех предпосылках: (а) индивиды оценивают и формируют представления об intersубъективной реальности в их социокультурных контекстах, и некоторые из этих представлений отличаются от принятых личностных ценностей и убеждений; (б) индивиды действуют в соответствии с собственными представлениями об intersубъективной реальности — иногда значительно чаще, чем они действуют в соответствии с собственными ценностями и убеждениями; (с) индивиды непреднамеренно подкрепляют и сохраняют intersубъективную реальность в своих представлениях и действиях (вне зависимости от того, валидны они или нет)» (Chiu, Gelfand, Yamagishi, Shteynberg, Wan, 2010, p. 483).

Intersубъективный подход включает взаимодействие факторов личности и окружения все в том же контексте культуры. Он констатирует, что культура существует на множественных уровнях, представляя процесс коллективного со-строительства консенсуса членами культурного сообщества в целях управления экологией. Intersубъективный подход рассматривает культурную обусловленность поведения как «целенаправленное поведение, заданное стратегическим использованием культурно предписываемых скриптов (закодированных в intersубъективном знании культуры) в среде людей, осведомленных о различных ограничениях и возможностях локального окружения для достижения значимых целей (например, эпистемических, идентичности и коммуникативных целей)» (там же, p. 487). Благодаря адаптивной природе культурно обусловленного поведения в случае возникновения средовых изменений соответственно меняется и оно. Таким образом, формирование intersубъективности выполняет эпистемическую, коммуникативную функции, а также функцию формирования идентичности.

Следует подчеркнуть, что парадигмы представляют собой нечто большее, чем эпистемологические, онтологические и аксиологические основоположения. Они являются продуктами «напряжений и конфликтов, простирающихся за пределы универсума на состояния бюрократии, групп давления, больших корпораций и групп» (Nespor, 2006, p. 123). Они представляют нечто большее, чем «несоизмеримые и отграниченные позиции... они конститу-

ированы отношениями... и распространяются или изменяются не только тогда, когда авторы изменяют идеи, но и когда объединяющие оппонентов... ситуации и события... меняются» (там же). В этом глубочайшем по смыслу пассаже подчеркивается крайне важная мысль о парадигмальной заданности или фреймированности сознаний представителей различных традиций, школ и подходов, выражающейся в специфической интерпретации изучаемой феноменологии, зашоренности по отношению к альтернативным видениям и объяснениям в силу, как это ни парадоксально, своей человечности. Можно обладать сверхзнанием, рефлексировать, абстрагироваться, но нельзя вырваться из рамок своей бытийности, истории, предпочтений и антипатий... Людям свойственно верить в единственную правду жизни, и люди часто теряются при столкновении с правдами разными. Но людям свойственна и способность договариваться, убеждать и переубеждаться. Переубедиться можно, лишь приняв и признав другого и услышав его голос. Сделав это, мы обогащаемся опытом и мыслями другого, расширяя собственные горизонты видения, а наилучшим средством для этого выступает диалог.

Завершая обсуждение проблематики межпарадигмального диалога, приведу высказывание одного из крупнейших специалистов в области методологии исследования Нормана Денцина: «Мы нуждаемся в моральном и методологическом сообществе, утверждающем и способствующем парадигмальному и методологическому многообразию» (Denzin, 2010, p. 425).

Литература

- Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского // М. Бахтин. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари, 2002.
- Бахтин М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986.
- Янчук В.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Янчук В.* Прогресс в углублении понимании психологической феноменологии социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива. Современные парадигмы психологической науки / Под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 253–268.

- Янчук В. А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 136–157.
- Янчук В. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов. Т. 1. М.: Когито-Центр, 2015. С. 136–138.
- Янчук В. Л. С. Выготский и культурный переворот в психологии. // Психологический Vademecum: Витебщина Л. С. Выготского: сборник научных статей / Под ред. С. Л. Богомаза, В. А. Каратерзи. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2016а. С. 21–33.
- Янчук В. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса // Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 8 частях / Под ред. В. С. Белгородского. Ч. 1. М.: ФГБЩУ ВО «МГУДТ», 2016б. С. 317–324.
- Anderson N. Unified psychology based on three laws of information integration // Review of General Psychology. 2013. V. 17 (2). P. 125–132.
- Bem S. The explanatory autonomy of psychology: why a mind is not a brain. Theory & Psychology. 2001. V. 11 (6). P. 785.
- Bem S., Looren de Jong H. Theoretical issues in psychology: An introduction (2nd ed.). L.: Sage, 2006.
- Bohannon J. Many psychological papers fail replication test // Science. 2015. V. 349 (6251). P. 910–911.
- Bohman J. Theories, practices and pluralism. Philosophy of the Social Sciences. 1998. V. 29 (4). P. 459–480.
- Chiu C.-Y., Gelfand M. J., Yamagishi T., Shteynberg G., Wan C. Intersubjective Culture: The Role of Intersubjective Perceptions in Cross-Cultural Research // Perspectives on Psychological Science. 2010. V. 5 (4). P. 482–493.
- Clegg J. The fragmented object: Building disciplinary coherence through a contextual unit of analysis // Review of General Psychology. 2013. V. 17 (2). P. 151–155.
- Denzin N. Moments, Mixed Methods, and Paradigm Dialogs // Qualitative Inquiry. 2010. V. 16 (6). P. 419–427.
- Drob S. L. Fragmentation in contemporary psychology: a dialectical solution // Journal of Humanistic Psychology. 2003. V. 43. P. 102–123.

- Eronen M.* Reductionist Challenges to Explanatory Pluralism: Comment on McCauley // *Philosophical Psychology*. 2009. V. 22 (5). P. 637–646.
- Franklin C.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston: Little, Brown and Company, 1982.
- Gergen K.* Pragmatics and Pluralism in Explaining Human Action // *Behavior and Philosophy*. 2009. V. 37. P. 127–133.
- Goertzen J.* Dialectical pluralism: a theoretical conceptualization of pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 201–209.
- Green C.* Why Psychology Isn't Unified, and Probably Never Will Be // *Review of General Psychology*. 2015. V. 19 (3). P. 207–214.
- Healy P.* Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutic-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // *New Ideas in Psychology*. 2012. V. 30. P. 271–280.
- Heft H.* An ecological approach to psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 162–167.
- Henriques S.* Evolving from methodological to conceptual unification // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 168–173.
- Howe K.* Against the quantitative-qualitative incompatibility thesis or dogmas die hard // *Educational Researcher*. 1988. V. 17 (8). P. 10–16.
- Hutto D.* Psychology unified: From folk psychology to radical enactivism // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 174–178.
- Johnson R. B., Onwuegbuzie A. J., Tucker S., Icenogle M. L.* Conducting mixed methods research using dialectical pluralism and social psychological strategies // *The Oxford handbook of qualitative research*. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 557–577.
- Lamiell J.* Toward a critically personalistic general psychology in consideration of its unifying // *Review of General Psychology*. 2014. V. 18 (1). P. 1–6.
- Lazard L., Capdevila R., Roberts A.* Methodological Pluralism in Theory and in Practice: The Case for Q in the Community // *Qualitative Research in Psychology*. 2011. V. 8 (2). P. 140–150.
- Marsh T., Boag S.* Unifying psychology: Shared ontology and the continuum of practical assumptions // *Review of General Psychology*. 2014. V. 17 (2). P. 45–59.
- Martin J.* The psychology of personhood // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 219–226.
- Martin J., Sugarman J.* Interpreting human kinds: beginnings of a hermeneutic psychology // *Theory & Psychology*. 2001. V. 11 (2). P. 193–207.
- Mayer J. D., Allen J. L.* A personality framework for the unification of psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 196–202.

- Meiser T.* Much Pain, Little Gain? Paradigm-Specific Models and Methods in Experimental Psychology // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. V. 6 (2). P. 183–191.
- Mendelowitz E., Kim C. Y.* William James and the Spirit of Complexity: A Pluralistic Reverie // *Journal of Humanistic Psychology*. 2010. V. 50 (4). P. 459–470.
- Mininni G.* The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*. 2010. V. 44 (1). P. 23–29.
- Nespor J.* Methodological inquiry: The uses and spaces of paradigm proliferation // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. V. 19. P. 115–128.
- Paterson B.* Pluralism // *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. L.: Sage Publications, 2008. P. 633–637.
- Petocz A., Mackey N.* Unifying psychology through situational realism // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 216–223.
- Popa F., Guillermin M.* Reflexive methodological pluralism: the case of environmental valuation // *Journal of Mixed Methods Research*. 2017. V. 11 (1). P. 19–35.
- Ranganath K. A., Spellman B. A., Joy-Gaba J. A.* Cognitive ‘category-based induction’ research and social ‘persuasion’ research are each about what makes arguments believable: A tale of two literatures // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. V. 5. P. 115–122.
- Redding R.* Sociopolitical Diversity in Psychology: The Case for Pluralism // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (3). P. 205–215.
- Richardson F.* Overcoming fragmentation in psychology a hermeneutic approach // *Journal of Mind and Behavior*. 2000. V. 21 (3). P. 289–304.
- Rychlak J.* A suggested principle of complementarity for psychology // *American Psychologist*. 1993. V. 48 (9). P. 933–942.
- Slife B. D., Christensen T. R.* Hermeneutic realism: Toward a truly meaningful psychology // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 230–236.
- Smythe W. E., McKenzie S. A.* A vision of dialogical pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 227–234.
- Spellman B.* A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. V. 10 (6). P. 886–899.
- Stam H.* Indeterminate functionalism and possessive individualism // G. B. Sullivan et al. (Eds). *Dialogue and debate in the making of theoretical psychology*. Toronto: Captus Press, 2015. P. 385–392.
- Sternberg R. J., Grigorenko E. L.* Unified psychology // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (12). P. 1069–1079.

- Teo T.* Ontology and scientific explanation: pluralism as an a priori condition of psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 235–243.
- Tonneau F.* Neorealism: Unifying cognition and environment // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17 (2). P. 237–242.
- Walsh-Bowers R.* Some social-historical issues underlying psychology's fragmentation // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28 (2). P. 244–252.
- Watanabe T.* Metascientific foundations for pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*. 2010. V. 28. P. 253–262.
- Williams R.* The metaphysics of things and discourse about them // J. E. Faulconer, R. Williams (Eds). *Reconsidering psychology*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1990. P. 136–150.
- Yanchuk S. C., Slife B. D.* Putting it all together: toward a hermeneutic unity of psychology // *Journal of Mind and Behavior*. 2000. V. 21 (3). P. 315–326.
- Yanchuk S. C., Williams D. D.* Reconsidering the compatibility thesis and eclecticism: five proposed guidelines for method use // *Educational Researcher*. 2006. V. 35. P. 3–12.
- Yanchuk V.* Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening // *Open Journal of Social Sciences*. 2014. V. 2. P. 178–191.
- Yanchuk V.* Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // *International Journal of Psychology*. 2016. V. 51. Issue Supplement. P. 438–439.